

КОНЦЕПЦИЯ ХАННЫ АРЕНДТ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению места концепции Ханны Арендт в современной палитре политических теорий власти. В ней анализируется отношение выстраиваемой мыслителем трактовки власти к важнейшим кратологическим антиномиям, которые конституируют современный дискурс политической власти, — реляционизму и холизму, с одной стороны, агонизму и солидаризму, с другой. При спецификации концепции Х. Арендт показывается, как сочетание демаркационного и этимологического подходов к анализу власти используется для разработки и утверждения оригинальной исследовательской стратегии, в которой концепты «власть» и «насилие» выступают как принципиальные антагонисты. Прослеживаются линии влияния на современную политическую философию стратегии, нацеленной на дифференциацию и структуризацию семантического поля концепта «власть», на разграничение составляющих его смысловых пластов и выявление их соотношения.

Ключевые слова: власть, теории власти, авторитет, влияние, насилие, господство, политическая философия, политическое знание.

Автор

Бойцова Ольга Юрьевна

Профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор



Проблематика власти относится к числу тех «вечных вопросов», злободневность которых не утрачивается с течением времени. В истории политической мысли были разработаны различные способы объяснения сущности этого феномена. При этом циркулирующие в политическом дискурсе аксиоматические наборы, ценностные идеи, линии доказательств и теоретические модели зачастую складываются в настолько сложные комбинации, что в них с трудом можно распознать исходные, «донорские», схемы аргументации. Варианты сочетания смысловых оттенков базовых концептов — таких как «политика», «насилие», «влияние», «авторитет» и собственно «власть» — в каждой отдельной версии зависят от оптики исследования и потому приводят к удручающей для строгой науки разноголосице в понимании

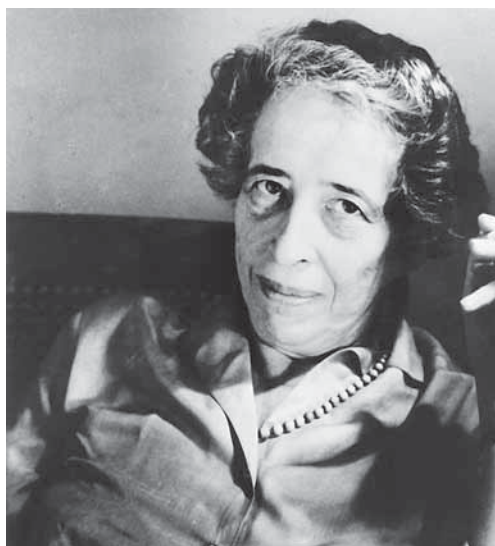
сущности власти и различии типов ее проявления, в трактовке ее социальных функций и классификации механизмов ее реализации.

В двадцатом столетии было разработано несколько концепций, сыгравших роль парадигмы в понимании политической власти. К их числу принадлежит и теория немецко-американского философа Ханны Арендт. Конечно, Арендт в большей мере известна как автор книг, вскрывающих логику тоталитарных режимов, — «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Но не менее пристального внимания заслуживает ее концепция власти, занимающая особое место в политической мысли XX в. Подход Ханны Арендт уникален тем, что служит примером сочетания нескольких традиционных оптик, которые она использует для разработки и утверждения

дения оригинального, по сути «маргинального» варианта трактовки власти. Для того чтобы показать это, нужно прежде всего определить ее место в палитре кратологических теорий, не вникая при этом в аргументацию участников дискуссии о том, может ли власть быть несоциальной и неполитической¹; отвлекаясь от обширной, поистине неохватной темы конфликта интерпретаций власти и оценки вытекающих из такого столкновения следствий для политической науки; не ввязываясь в затяжной и безмерно трудоемкий процесс детального сопоставления различных вариантов дефиниции власти. Оставляя в стороне все эти, несомненно, важные аспекты проблемы, следует определить ее отношение к наиболее известным и влиятельным кратологическим моделям и исследовательским стратегиям. И прежде всего, необходимо обратиться к реляционистской и холистской парадигмам, которые представляют собой антиномичные подходы и, по сути, задают основные рамки дискурса власти в современной политической философии.

Как известно, *реляционизм* определяет власть через взаимодействие, подчеркивая ее коммуникативную природу и активный, направленный характер. Стороны, вступающие в подобное взаимодействие, наделены волей, позволяющей им ставить цели и выстраивать стратегии их достижения. Их отношения принципиально несимметричны, поскольку предполагают доминирование субъекта над объектом,

¹ К примеру, вопросы о том, корректно ли говорить о власти вожака в волчьей стае и следует ли считать «власть над природой» или «власть над собой» всего лишь метафорами, а не видами отдельной, несоциальной власти; тождественна ли политика борьбе за власть и каковы критерии «политического», в соответствии с которыми можно разграничить политическую и неполитическую власть etc. Эти дискуссии заслуживают самого пристального внимания как при исследовании истории политической мысли, так в рамках политико-философского анализа, но в данном случае могут быть «вынесены за скобки».



Ханна Арендт (1906–1975)

повелевающего над подчиняющимся. В этой оптике выстроена большая часть классических теорий власти, но парадигмальный характер данная исследовательская стратегия приобрела в учении М. Вебера. В его трактовке власть определяется как «любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [10. — С. 109]. Во второй половине двадцатого столетия этот подход к власти был уточнен Р. Далем в формуле: «А обладает властью над Б до такой степени, которая заставляет Б сделать нечто, что Б в противном случае делать бы не стал» [17. — С. 202–203]. Взаимодействие выступает в качестве стержневого пункта и в концепции А. Кожева, в которой власть трактуется как проявляемое в деятельности субъект-объектное отношение, характеризующее свободой, сознательностью и активностью: «Власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное)» [12. — С. 15]; «Наделенное властью существо ... по необходимости является деятелем, а властное действие всегда есть истинное действие (сознательное и свободное)» [12. — С. 16].

Противоположная трактовка представлена в концепциях *холистского* типа. В данной парадигме власть понимается как свойство интегрированной общности — социальной системы/подсистемы или социальной группы, — которое проявляется в способности данной общности ставить и реализовывать общезначимые цели. Такая способность не принадлежит никому из индивидов — она проявляется в возможности эффективно распределять функции входящих в систему элементов, обеспечивать ресурсами необходимые меры по достижению целей, координировать и направлять усилия входящих в группу людей для решения поставленной задачи. Таким образом, по отношению к конкретным людям власть носит «внешний» характер: индивиды выполняют соответствующие функции в силу того, что занимают определенные социальные позиции, которые не только определяют возможность приказывать, но и фиксируют пределы полномочий. В этой парадигме определяющим является не воление, а статус, не личность, а функционал, не действие, а структурная позиция. В XX в. холистская линия концептуализации власти также была представлена различными направлениями социальной мысли, среди которых главенствующее место принадлежит структурно-функциональному анализу. В теории Т. Парсонса политическая власть предстает в качестве интегрирующей силы, консолидирующей все структурные элементы социальной системы. Будучи инструментом мобилизации, она является реализацией обобщенной способности системы добиваться от индивидов и групп выполнения определенных требований. Эти требования лежат в основе обязательств, легитимированных общезначимостью и потому подлежащих неукоснительному исполнению [16]. К. Дойч предлагал несколько иной ракурс холистской трактовки власти, определяя ее как способность системы

в ходе интеракции с другими агентами сохранять собственную структуру и минимизировать изменения, детерминированные внешними факторами [18].

Задавая общетеоретические рамки анализа власти, эти парадигмы не содержат инструментов спецификации политической власти, определения ее соотношения с концептом «власть» в целом. Кроме того, в обеих парадигмах оказалось немало уязвимых положений, которые стали мишенью критики. В реляционизме это затронуло, в первую очередь, идею однонаправленности властного взаимодействия, предполагающую активность повелевающего и пассивность повинующегося. Холизм, в свою очередь, оказался под ударом за идею жесткой нормативности, которая минимизирует роль личности и значение воли. Его основные «болевы точки» — сведение власти к надсубъективной структуре, сложность, а то и невозможность объяснения индивидуального решения. Развитие теории коммуникации потребовало существенной корректировки обеих парадигм — к примеру, введения в концептуальную схему реляционизма таких параметров, как мультинаправленность взаимодействия и коммуникативная среда, или изменения трактовки структурных позиций в холистских теориях, понимание их как стабильно воспроизводимых образцов взаимодействий.

Важно, что именно Арендт относится к числу мыслителей, которые разрабатывали философские основы теории коммуникации, поставившие перед рассмотренными парадигмами задачу переосмысления базовых оснований. Ее учение, по сути, выходит за рамки дискурса власти, задаваемые данной антиномией, поскольку предлагает трактовку, сочетающую в себе как реляционный, так и холистский подходы к трактовке власти. В политической философии Арендт власть предстает в качестве способности консолидированного действия, которая реализуется в процессе коммуникации. Таким

образом, с одной стороны, власть неразрывно связана с интеракцией, а с другой, порождается в результате социальной интеграции. Рассмотрение власти как особой коммуникативной среды позволило избежать «болевых точек» каждой из сторон антиномии: одновекторности властного действия в реляционизме и невозможности объяснения индивидуального решения в рамках холизма.

Не меньшее значение при определении места политической концепции Х. Арендт имеет рассмотрение ее отношения к противостоянию агонистского и консенсусного подходов к трактовке власти.

Как известно, *вайолентно-агонистический* подход исходит из наличия в обществе фундаментального, неустранимого конфликта, порождаемого антагонизмом интересов. Власть в данном случае понимается как способность индивида или группы, выигравших в борьбе за доминирование, навязать собственную волю побежденным и принудить всех к реализации интересов победителя.

Примечательно, что трактовка власти как насильственного принуждения (личного и/или опирающегося на соответствующие социальные институты) настолько распространена, что ее разделяют мыслители, выступающие как непримиримые противники во многих других вопросах: только в XX в. агонизм нашел проявление и в децизионизме К. Шмитта, и в анархизме (Б. Такер, А. Нок, М. Ротбарт), и в экзистенциализме (Ж.П. Сартр, А. Камю), и в политическом реализме (Г. Моргентхау, Дж. Кеннан, К. Уолц). Нельзя не вспомнить в этой связи и марксистскую традицию, к примеру, фрейдомарксизм (Г. Маркузе, В. Райх) или постмарксизм (Э. Лаклау, Ш. Муфф).

Солидарны в вайолентном подходе к пониманию власти и теоретики, которые находятся по разные стороны баррикад по проблеме первой антиномии, о которой шла речь выше. Так, М. Вебер

писал: «...“политический” характер союза можно определить *только* через *средство*, в определенных обстоятельствах становящееся самоцелью, которое свойственно не ему одному, но для него специфично, а для его существа *необходимо*: насилие» [10. — С. 407]. Такой же точки зрения придерживается и Г. Лассуэлл: «В человеческих отношениях, — писал он, — стремление к насилию — это феномен, с которым мы имеем дело как профессиональные ученые-политологи. Это отличительная характеристика той социальной ценности, которую мы называем властью» [13. — С. 272]. В этом реляционистская трактовка власти вполне сочетается с точкой зрения Т. Парсонса, выступающего с холистских теоретико-методологических позиций: «Власть... является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств... и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [16. — С. 242].

Арендт отдает предпочтение противоположной позиции — консенсусно-солидаристской, в рамках которой источником власти признается способность социума к самоорганизации, к осознанному упорядочению и воспроизводству образцов взаимодействия, к определению общих целей, значимых для сохранения его идентичности и целостности. Опираясь на аристотелевские традиции политико-философского солидаризма, эта позиция нашла выражение, к примеру, в теориях этического социализма неокантианства (Г. Коген, П. Наторп), либеральной демократии (Ч. Мерриам и Чикагская школа политической науки), социального государства (Дж. Дьюи, Дж. Кейнс), делиберативной демократии (Ю. Хабермас). Такая позиция допускает возможность и даже неизбежность межгрупповых противоречий, как и борьбы за доминирование,

однако роль конфликта здесь оценивается как существенно менее значимая по сравнению с консолидацией. Вайолентный характер управления, как правило, связывается с неразвитостью властных практик: насилие признается крайней мерой, применяемой в чрезвычайных случаях, а на первый план выходят проблемы публичной сферы как места политического диалога и практик управления, обеспечивающих реализацию консенсусных стратегий.

Подобная аксиоматическая установка и лежит в основе теории власти Х. Арндт. При этом она предстает в предельно радикализованном виде, когда власть не только трактуется как основа совместного действия, но и прямо противопоставляется силовому принуждению: «Власть и насилие противоположны, — утверждает она, — абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого» [3. — С. 66].

Это ведет к кажущемуся парадоксальным — особенно в контексте политической практики — выводу, что террор возникает при отсутствии власти. Логика аргументации такова: власть — основа совместного действия, средство стабилизации отношений в социальной системе; насилие — средство достижения цели в условиях, когда нет готовности к совместному действию (т.е. при недостатке власти); террор — крайняя форма жесткого принуждения, когда насилие из средства превращается в цель; соответственно, террор возможен только в том случае, когда власть полностью разрушена.

Позиция Арндт, не просто подчиняющая, а прямо противопоставляющая власть насилию, безусловно, является маргинальной для истории политической мысли: столь радикальную трактовку вряд ли удастся найти даже среди консенсусных концепций. Пожалуй, исключение, хотя и лишь как аналогичный вывод при совсем другой аксиоматике и схеме аргументации, составляет

теория Александра Кожева. (К слову, он, как и Арндт, был учеником К. Ясперса и испытал серьезное воздействие философии М. Хайдеггера). «Употребление власти, — писал Кожев, — не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга ... Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует» [12. — С. 19].

При очень незначительной идейной опоре, которую может предоставить историко-философская традиция, Х. Арндт для решения основной задачи — обоснования данной позиции, прибегает к соединению двух исследовательских стратегий¹.

Прежде всего, это — *этимологический подход*, который отталкивается от того, что социальные практики во всем их многообразии отражаются в языке. В языковых единицах и лексических конструкциях, используемых для обозначения объективных и субъективных сторон данных практик, в том числе опыта властвования и подчинения, фиксируются особенности реальных взаимодействий. Поэтому данная стратегия предполагает анализ значений слова «власть» в том или ином естественном языке, фиксацию его смысловых нюансов и сравнение его с аналогами в других языках. Это позволяет вычленить ядро семантического поля концепта и определить, какой из

¹ Кроме указанных, в политическом дискурсе широко распространены и иные подходы к анализу власти: так, историческая стратегия хронологически упорядочивает опыт употребления концепта «власть», детально описывая и анализируя способы его интерпретации в ходе развития политической мысли. К ней примыкает генетическая, которая нацелена на выявление зависимости смыслового наполнения концепта от специфики культурного контекста [8; 11; 14; 15]. Особое место занимает логико-конструктивная стратегия, стремящаяся сформировать строгое понятие власти путем выделения и фиксации универсального, общезначимого набора признаков, на основании которых можно однозначно специфицировать власть [19; 20].

его элементов акцентируется в той или иной интерпретации.

Вторая стратегия — *демаркационная*. Она нацелена на выявление специфики концепта «власть» путем его содержательного разграничения с другими терминами [19; 1; 9; 12 etc.].

Указанные стратегии нужны Арендт для выявления семантических различий и противопоставления сходных слов, используемых для обозначения власти. «Мне кажется довольно прискорбной характеристикой текущего состояния политологии, — заявляет она в работе «О насилии», — то, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как «власть» (*power*), «мощь» (*strength*), «сила» (*force*), «авторитет» (*authority*) и, наконец, «насилие» (*violence*), которые обозначают несовпадающие, различные феномены и в ином случае вряд ли существовали бы... Их употребление в качестве синонимов не только обличает некоторую глухоту к языковым смыслам, что само по себе уже было бы достаточно серьезно, но и приводит к определенной слепоте по отношению к стоящим за этими словами реалиям» [3. — С. 50–51].

Действительно, в истории политической мысли для обозначения власти служили различные слова, которые то выступали как синонимы, то использовались для демаркации определенных смысловых нюансов. В европейских языках основополагающую роль сыграло латинское слово «*potestas*» (к нему, собственно, и восходит английское «*power*», используемое Арендт для обозначения власти), которое, в свою очередь, происходит от глагола «*potere*», имеющего значение «быть способным сделать что-то» и связанного с «*potentia*» — «возможностью» и одновременно «мощью». Именно в «*potestas*» наиболее полно представлено семантическое ядро концепта «власть»: способность произвести желаемое действие, которая обусловлена

наличием мощи, возможностей и ресурсов, позволяющих реализовать волю властвующего. Примечательно, что в современных языках производные слова («*power*» (англ.), «*el poder*» (исп.), «*le pouvoir*» (франц.) etc.) означают не только «власть», но и «могущество», «силу», «возможность», «полномочия», а в определенных случаях — «правление» и «органы власти».

Арендт дает собственную интерпретацию, высвечивая только один из смыслов концепта «власть», зафиксированных в «*potestas*» (и «*power*» как его производном), а именно: «быть способным сделать что-то». При этом она отсекает такие важные значения, как «мощь» и «сила», и уж тем более «правление». Выдвинутый на первый план смысл она обогащает рядом важнейших оттенков, привнося социальную составляющую и минимизируя личностный аспект. «Власть, — пишет Арендт, — соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе» [3. — С. 52]. Такая способность, несомненно, не может возникнуть без наличия в обществе базового консенсуса. Да и реализоваться она может только в коммуникации, основанной на солидарности.

Поэтому неудивительно, что, проводя демаркацию между «властью», с одной стороны, и «мощью», «силой» и «насилием», с другой, Арендт значительно сближает власть и авторитет. Действительно, у слов «власть» и «авторитет» есть общий семантический сегмент, который делает возможным не только сближение, но и их синонимизацию [11; 14; 15], это — «способность вызывать желаемое действие». Примечательно, что в современном языке слова, производные от латинского «*auctoritas*» (английское «*authority*»,

французское «l'autorité», испанское «la autoridad», немецкое «die Autorität» etc.), используются и как «авторитет», и как «власть», и как «руководство» в смысле инстанций, облеченных особыми полномочиями. Арендт отсекает все эти значения, оставляя за авторитетом лишь влияние, обусловленное легитимностью: «Отличительный признак авторитета, — пишет она, — безусловное признание со стороны тех, от кого требуют повиновения, — ни принуждение, ни убеждение тут не требуются» [3. — С. 53]. Как и власть, «авторитет исключает применение внешних сил принуждения; где применяется сила, авторитет пал» [4. — С. 140]. В то же время он не тождествен власти, поскольку отношение повелевающего и повинующегося не покоится «на власти того, кто повелевает; что у них общего, так это сама иерархия, которую оба признают правильной и легитимной, и в которой у обоих заранее установленное фиксированное место» [4. — С. 140].

Таким образом, результатом применения этимологической и демаркационной оптик является смещение акцентов и иное высвечивание смыслов, содержащихся в семантическом поле концепта «власть». Арендт добивается этого путем вытеснения вайолентных элементов (таких как «могущество», «сила», «принуждение») и насыщения его новыми оттенками значений.

Предложенная Х. Арендт концепция имеет значение не только сама по себе, как вариант философской рефлексии, противопоставившей власть и насилие. Исследовательская стратегия, направленная на дифференциацию и структуризацию семантического поля концепта «власть», на разграничение составляющих его смысловых пластов и выявление их соотношения, на актуализацию смыслов, традиционно отодвигаемых на второй план, стала матричной для современной политической философии. Ориентация на «пересборку концепта» стимулировала выявление новых граней смыслов и создание новых вариантов их комбинаций, вызвав к жизни такие версии, как концепция метавласти У. Бека, демаркацию «социального» и «политического» З. Баумана, противопоставление государства и политики А. Бадью etc. [5; 6; 7].

Даже в тех случаях, когда философы выступают оппонентами Х. Арендт и не готовы отказаться от вайолентного подхода, предложенный ею путь политико-философской концептуализации власти остается востребованным. При этом множественность смыслов, заключенных в концепте «власть», и разнообразие релевантных оптик по-прежнему остаются мощнейшим вызовом, стимулирующим разработку данной проблематики.

Литература

1. Агамбен Дж. Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 257 с.
2. Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX — начало XXI века) — М.: Современные тетради, 2010. — 120 с.
3. Арендт Х. О насилии. — М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.
4. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 416 с.
5. Бадью А. Краткий курс метаполитики. — М.: Логос, 2005. — 240 с.
6. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
7. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. — М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. — 464 с.
8. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — 456 с.
9. Жижек С. О насилии. — М.: Европа, 2010. — 184 с.

10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. — Т. 1. Социология. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. — 445 с.
11. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 432 с.
12. Кожев А. Понятие Власти. — М.: Праксис, 2006. — 192 с.
13. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. — М.: Издательство РАГС, 2005. — 352 с.
14. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 384 с.; 2005.— 352 с.
15. Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия.— СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. — 148 с.
16. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли: В 4 т. — М.: Мысль, 1997. — Т. II. — С. 479–486.
17. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. — 1957. — № 2. — P. 201–215.
18. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. — N.Y.: Free Press, 1966. — 361 p.
19. Stewart A. Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity. — L.: Thousand Oaks, California: SAGE, 2001. — 270 p.
20. Uphoff N. Distinguishing among power, authority and legitimacy: Taking Max Weber at his word using resource — exchange analysis // Polity. — 1989. — № 22(2). — P. 295–322.
21. Perspectives on power: an inter-disciplinary approach / Ed. by H.M. Morgan, J.L. Černič, L. Milligan. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2010. — 397 p.